

- [Гилберт Кит Честертон](#)
  -
  - [Примечания](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке TheLib.Ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

[Другие книги серии «Парадоксы мистера Понда»](#)

Приятного чтения!

Гилберт Кит Честертон

Прстенъ прелюбодеев

— Как я уже говорил, — закончил мистер Понд одно из своих интересных, хотя и несколько растянутых повествований, — друг наш Гэхеген — очень правдивый человек. А если придумает что-нибудь, то без всякой для себя пользы. Но как раз эта правдивость...

Капитан Гэхеген махнул затянутой в перчатку рукой, как бы заранее соглашаясь со всем, что о нем скажут. Сегодня он был настроен веселее, чем обычно; яркий цветок празднично пламенел в его петлице. Но сэр Хьюберт Уоттон, третий в этой небольшой компании, внезапно насторожился. В отличие от Гэхегена, который несмотря на свой сияющий вид казался довольно рассеянным, он слушал мистера Понда очень внимательно и серьезно; а такие неожиданные, нелепые заявления всегда раздражали сэра Хьюберта.

— Повторите, пожалуйста, — сказал он не без сарказма.

— Это ведь так очевидно, — настаивал мистер Понд. — Настоящие лгуны никогда не лгут без всякой для себя пользы. Они лгут умно и с определенной целью. Ну зачем, спрашивается, Гэхегену было говорить, что он видел однажды шесть морских змиев, один другого длиннее, и что они поочередно проглатывали друг друга, а последний уже открыл пасть, чтобы проглотить корабль, но оказалось, что он просто зевнул после слишком сытного обеда и тут же погрузился в сон. Не буду останавливать ваше внимание на том, сколько строгой, математической симметрии в этой картине: каждый змий зевает внутри другого змия, и каждый змий засыпает внутри другого змия — кроме самого маленького, голодного, которому пришлось вылезти и отправиться на поиски обеда. Повторяю, вряд ли, рассказывая это, Гэхеген преследовал какую-нибудь цель. Вряд ли также эту историю можно назвать умной. Трудно предположить, чтобы она способствовала светским успехам рассказчика или прославила его как выдающегося исследователя. Ученый мир (право, не знаю почему) относится с недоверием к рассказам даже об одном морском змие; что уж говорить об этой версии!

Или еще: помните, Гэхеген говорил нам, как он был миссионером Свободной церкви и проповедовал сначала в молельнях неконформистов, затем в мусульманских мечетях и, наконец, в монастырях Тибета. Особенно

теплый прием оказали ему члены некоей мистической секты, пребывавшие в крайней степени религиозного экстаза. Ему воздали божеские почести; но вскоре выяснилось, что люди эти были ярыми приверженцами человеческих жертвоприношений и рассматривали его как свою будущую жертву. Эта история также не могла принести Гэхегену никакой пользы. Вряд ли человек, отличавшийся в прошлом такой веротерпимостью, преуспеет в нынешней своей профессии. Я подозреваю, что рассказ этот надо понимать как притчу или аллегория. Но, так или иначе, он не мог принести рассказчику пользы. С первого взгляда ясно, что это выдумка. А когда перед нами явная выдумка — очевидно, что это не ложь.

— Представьте себе, — перебил его Гэхеген, — что я собираюсь рассказать вам вполне достоверную историю.

— А я отнесусь к ней очень и очень подозрительно, — угрюмо заметил Уоттон.

— Вам покажется, — сказал Гэхеген, — что я выдумываю? Почему?

— Потому, что она наверняка будет похожа на выдумку, — отвечал Уоттон.

— А не кажется ли вам, — задумчиво спросил Гэхеген, — что жизнь и вправду нередко похожа на вымысел?

— Мне кажется, — ответил Уоттон с язвительностью, которую ему на сей раз не удалось скрыть, — что я всегда сумею определить разницу.

— Вы правы, — сказал Понд, — и разница, по-моему, вот в чем. Жизнь подобна вымыслу только в частностях, но не в целом, как будто собраны вместе отрывки из разных книг. Когда все очень уж хорошо пригнано и увязано, мы начинаем сомневаться. Я мог бы даже поверить, что Гэхеген видел шесть морских змиев. Но я ни за что не поверю, что каждый из них был больше предыдущего. Вот если бы он сказал, что первый был крупнее второго, маленького, третий — опять побольше, он еще мог бы нас провести. Мы часто говорим про те или иные жизненные ситуации: «Совсем как в книге». Но они никогда не кончаются, как в книге; во всяком случае, конец их — из других книг.

— Понд, — начал Гэхеген, — иногда мне кажется, что вы ясновидящий или прорицатель. Как странно, что вы это сказали. То, чему я был очевидцем, походило на вымысел, с одной только разницей: уже знакомый мне сюжет мелодрамы внезапно оборвался, и началась новая, более мрачная мелодрама или трагедия. Временами мне казалось, что я стал действующим лицом какого-то детективного рассказа, а потом вдруг оказывалось, что это уже совсем не тот, а другой рассказ. Как в туманных картинах или в кошмаре. Нет, именно в кошмаре.

— Почему «именно»? — спросил Уоттон.

— Это страшная история, — тихо сказал Гэхеген, — но теперь она уже не кажется такой страшной.

— Ну, конечно, — кивнул Понд. — Теперь вы счастливы и хотите рассказать нам страшную историю.

— А что значит «теперь»? — снова спросил Уоттон.

— Это значит, — отвечал Гэхеген, — что сегодня утром я стал женихом.

— Черт вас... Прошу прощения, — буркнул Уоттон, краснея. — Разрешите вас поздравить, конечно, и все прочее... Только при чем здесь кошмар?

— Тут есть прямая связь, — задумчиво произнес Гэхеген. — Но вы ведь хотите послушать ту, страшную историю, а не эту, счастливую. Да, это была таинственная история. Во всяком случае — для меня. Все же в конце концов я ее понял.

— И когда вам надоест говорить загадками, вы сообщите нам разгадку?

— Нет. Разгадку сообщит Понд, — коварно ответил Гэхеген. — Видите, он уже гордится, что угадал так много, еще не выслушав моей истории. Если он не сумеет закончить ее после того, как услышит... — Гэхеген оборвал фразу и заговорил снова, более серьезным тоном: — Все началось с холостяцкого обеда у лорда Кроума; мы, собственно, были приглашены не на обед, а на коктейль к его жене. Леди Кроум — высокая, стройная женщина; у нее маленькая гордая головка и темные волосы. Ее муж — полная ей противоположность. И в прямом, и в переносном смысле можно сказать, что он человек с головой. Представьте себе длинное, словно топором высеченное лицо; и кажется, тот же топор высек его голову, всю его фигуру, маленькую и незначительную. Он человек сдержанный и в тот вечер казался рассеянным и немного усталым, — должно быть, его утомили разряженные дамы, которые так и вились вокруг прекрасной хозяйки дома, похожей на стремительную гордую птицу. Возможно, именно поэтому он захотел отдохнуть в более спокойном, мужском обществе. Так или иначе, он попросил нескольких гостей остаться и отобедать с ним. В том числе и меня; но несмотря на это общество было избранное.

Да, избранное; хотя впечатление создавалось такое, что никто намеренно не подбирал его. Имена гостей были достаточно известны; и все же казалось, что лорд Кроум вспомнил их случайно. Первым, на кого я обратил внимание, был капитан Блэнд. Его считают одним из самых

блестящих офицеров британской армии. По-моему, он к тому же и самый глупый; вероятно, это необходимо для каких-то стратегических целей. Он великолепен, как статуя Геракла из золота и слоновой кости, и в военное время примерно так же полезен. Я как-то сказал ему, что он напоминает мне статую из слоновой кости, а он решил, что я сравниваю его со слоном. Вот оно, хваленое образование «белого господина»! Рядом с ним сидел граф Кранц, венгерский ученый и общественный деятель. Он говорит на двадцати семи языках, в том числе на языке философии. Интересно, на каком он беседует с капитаном Блэндом? По другую сторону от Кранца сидел офицер примерно того же типа, что Блэнд, только посмуглее, и постройнее, и не такой надутый, — майор Вустер из какого-то бенгальского полка. Лексикон его тоже не слишком богат, он состоит из одного латинского глагола *polo, polas, polat* — я играю в поло, ты играешь в поло, он играет в поло или (как отрицательная характеристика) — он не играет в поло. Эта игра пришла с Востока; мы угадываем игроков в поло сквозь тонкие золотые линии замысловатых рисунков на полях восточных рукописей. Что-то восточное было и в самом Вустере: так и видишь, как он, словно тигр, продирается сквозь джунгли. Эти двое более или менее подходили друг к другу, потому что Кранц тоже смугл и красив; у него черные, по-ассирийски изогнутые брови, а длинная темная борода похожа на раскрытый веер или на пышный хвост какой-то птицы. Я был соседом Вустера, и мы довольно оживленно беседовали. По другую руку от меня сидел сэр Оскар Маруэлл, знаменитый театральный деятель, весьма изысканный и величественный, с римским носом и кудрями олимпийца. С ним трудно было найти общий язык. Сэр Оскар Маруэлл желал говорить только о сэре Оскаре Маруэлле, а других совсем не интересовала эта тема. Был там еще новый помощник министра иностранных дел, Питт-Палмер, весьма сдержанный молодой человек, похожий на бюст императора Августа. Он-то уж несомненно получил настоящее классическое образование и с легкостью цитировал античных авторов. В числе гостей находились итальянский певец (я не запомнил его фамилию) и польский дипломат (его фамилию никто не способен запомнить). И, глядя на них, я все время твердил про себя: «Ну и коллекция!»

— Я знаю эту историю, — уверенно заявил Уоттон, — шутник-хозяин для забавы собирает у себя самых не подходящих друг к другу людей, чтобы послушать, как они ссорятся. Очень хорошо описано у Антони Беркли, в одном из его детективных романов.

— Нет, — сказал Гэхеген, — по-видимому, это вышло случайно, и Кроум отнюдь не собирался ссорить своих гостей. Напротив, он был

чрезвычайно любезным хозяином и скорее не давал им поссориться. Так, например, он очень умно завел разговор о фамильных драгоценностях. Все приглашенные, как они ни отличались друг от друга, были сравнительно богатыми людьми из так называемых «хороших семейств», и эта тема представляла более или менее общий интерес. Польский дипломат, лысый человек с изысканными манерами и бесспорно самый остроумный из гостей, рассказал забавную историю о злоключениях медали Собесских, которая попала сперва к еврейскому ростовщику, потом к прусскому солдату и, наконец, очутилась у казачьего атамана. Не в пример разговорчивому лысому поляку его сосед-итальянец был молчалив и угрюмо поглядывал по сторонам из-под шапки черных волос.

— Какой интересный у вас перстень, лорд Кроум, — учтиво заметил польский дипломат. — Такие перстни обычно очень старинные. Мне кажется, я бы с большим удовольствием носил перстень епископа или, еще лучше, перстень папы. Но только, знаете, все эти утомительные церемонии, к тому же обет безбрачия, а я... — И он пожал плечами.

— Конечно, это неприятно, — угрюмо улыбнулся лорд Кроум. — Что касается перстня... да, с ним связано довольно много интересных событий в нашей семье. Подробно я о нем ничего не знаю; но несомненно это шестнадцатый век. Не хотите ли посмотреть? — Он снял с пальца массивный перстень с темно-красным камнем и протянул его сидящему рядом поляку. Камень обрамляли рубины необычайной красоты, а в центре его была вырезана эмблема — сердце и роза. Перстень стали передавать из рук в руки, и, когда он дошел до меня, я разобрал надпись на старофранцузском языке — что-то вроде: «От любящего — любимой».

— Видимо, это связано с какой-то романтической историей в вашей семье,

— предположил венгерский граф. — Должно быть, она произошла в шестнадцатом... А что это была за история, вы не знаете?

— Нет, — сказал Кроум, — но думаю, что перстень связан, как вы правильно заметили, с какой-то семейной драмой.

Заговорили о любовных историях XVI века; и вдруг Кроум спросил, очень вежливо, не видел ли кто-нибудь из нас, куда делся перстень.

— О, — воскликнул Уоттон, захлебнувшись от восторга, словно школьник, разгадавший секрет фокусника. — Я уже все знаю! Совсем как в детективном рассказе! Кольцо исчезло, и решили обыскать всех гостей, а один из них не дал себя обыскать. И у него были на то ужасно романтические причины!

— Вы правы, — сказал Гэхеген, — правы, но не совсем. Кольцо

пропало. Нас обыскали. Мы настаивали на этом. Никто не протестовал. И все-таки кольцо исчезло.

Он резко повернулся и положил локоть на спинку кресла; затем продолжал:

— Я и сам об этом подумал. Мне тоже показалось, что все мы — персонажи романа, и притом довольно устарелого. С той только разницей, о которой говорил Понд: конец был не тот, один роман переходил в другой. Когда перстень исчез, нам уже подали кофе. Весь этот дурацкий обыск занял очень мало времени, и кофе еще не остыл; но Кроум приказал принести горячий. Мы просили его не беспокоиться, но он все-таки позвал дворецкого, и они довольно долго о чем-то шептались. И как раз в ту минуту, когда Питт-Палмер поднес к губам свою чашку, Кроум резко вскочил, и голос его хлестнул нас, как удар бича.

— Не пейте, джентльмены! — крикнул он. — Кофе отравлен!

— Черт знает что! — перебил Уоттон. — Совсем другой рассказ! Гэхеген, вы уверены, что это было наяву? Наверно, начитались старых журналов, и в голове у вас все перепуталось. Кто из нас не читал рассказов об отравлениях!

— В данном случае все кончилось куда более странно, — спокойно сказал Гэхеген. — Все мы, конечно, застыли на месте, словно каменные статуи. Только молодой Питт-Палмер встал — на его холодном, строгом лице не было и тени волнения — и спокойно сказал:

— Простите. Я не хочу, чтобы мой кофе остыл. — Он залпом осушил свою чашку, и, клянусь Богом, лицо его немедленно почернело, точнее, оно прошло гамму каких-то жутких оттенков, он страшно захрипел и рухнул на пол.

Конечно, мы не поверили своим глазам. Но венгерский ученый был доктором медицины; кроме того, вызвали местного врача, и он тоже констатировал смерть.

— Вы хотите сказать, — перебил Уоттон, — что врачи признали отравление?

Гэхеген покачал головой.

— Я хочу сказать, — повторил он, — что они признали смерть.

— От чего же он умер, если отравления не было?

— Он умер от удушья, — сказал Гэхеген и нервно вздрогнул. Несколько минут все молчали. Наконец Уоттон проговорил:

— Я ничего не понимаю. Кто отравил кофе?

— Никто. Кофе не был отравлен, — ответил Гэхеген. — Лорд Кроум просто хотел обследовать наши чашки, пока мы еще к ним не прикасались.

Несчастный Питт-Палмер положил в свой кофе очень большой кусок сахара. Сахар должен был растаять. Но есть вещи, которые не тают.

Сэр Хьюберт Уоттон уставился в одну точку. Наконец в его глазах засветилась какая-то мысль, трезвая, хотя и несколько запоздалая.

— Вы хотите сказать, — начал он, — что Питт-Палмер спрятал кольцо в чашке еще до обыска. Другими словами, вором был Питт-Палмер?

— Питт-Палмер скончался, — серьезно сказал Гэхеген, — и мой долг — защищать его память. Несомненно, он поступил дурно. Теперь я понимаю это гораздо лучше, чем раньше. Вы можете думать что угодно о его поступке. Многие поступают не лучше. Но вором он не был.

— Объясните вы наконец, что все это значит? — вспылил Уоттон.

— Нет, — ответил Гэхеген, и внезапно его напряженное состояние сменилось усталостью и ленью. — Я передаю слово мистеру Понду.

— Да ведь Понда там не было! — резко сказал Уоттон.

— Конечно, — сонно ответил Гэхеген, — но по тому, как он нахмурился, я вижу, что он все знает. А кроме того, я уже наговорился и уступаю очередь другому.

Он закрыл глаза, и такое безнадежное спокойствие было в его позе, что бедняге Уоттону, совсем сбитому с толку, пришлось обратиться к третьему собеседнику.

— Вы правда что-нибудь знаете? — спросил он Понда. — Что он имел в виду, когда сказал, что человек, спрятавший кольцо, не был вором?

— Кажется, я в самом деле кое-что угадал, — скромно заметил мистер Понд. — Но лишь потому, что все время помнил наш разговор о вымысле и действительности — о том, как сбивает человека их мнимое сходство. Действительные происшествия никогда не бывают так законченны, как вымышленные. Все несчастье в том, что когда какое-нибудь событие в действительной жизни напоминает нам знакомый роман, мы невольно думаем, что знаем все об этом событии, потому что знаем роман. Мы идем по проторенной дорожке привычного сюжета, и нам кажется, что все перипетии в жизни будут такими же, как эти хорошо знакомые нам перипетии романа. Внутренним взором мы видим все развитие сюжета и не можем взять в толк, что сюжет уже другой. Мы предвосхищаем события, описанные в книге, и ошибаемся. Допустите неверное начало, и вы не только дадите неверный ответ — вы поставите неверный вопрос. В данном случае вы столкнулись с тайной, но ищете разгадку не этой, а другой тайны.

— Гэхеген сказал, что вы беретесь все объяснить, — не без иронии заметил Уоттон. — Разрешите спросить вас: следует ли считать

объяснением ваши слова? Это и есть разгадка тайны?

— Тайна перстня, — сказал мистер Понд, — не в том, куда он исчез, а в том, откуда он взялся.

Уоттон пристально посмотрел на него и сказал совсем другим тоном:

— Продолжайте.

И мистер Понд продолжал:

— Гэхеген сказал правду — бедняга Питт-Палмер не был вором. Питт-Палмер не крал кольца.

— Черт возьми, — взорвался Уоттон, — кто же тогда его украл?

— Кольцо украл лорд Кроум, — сказал мистер Понд.

Некоторое время все трое молчали. Наконец Гэхеген встал и произнес, сонно потягиваясь:

— Я знал, что вы поймете.

Мистер Понд пояснил кротким, почти извиняющимся тоном:

— Но, видите ли, ему пришлось пустить перстень по рукам, чтобы узнать, у кого он его украл.

Он помолчал; а потом — как всегда рассудительно и логично — заговорил:

— Как я уже сказал, многое кажется вам заранее predetermined только потому, что об этом рассказано во многих книгах. Когда за обедом хозяин показывает гостям какую-нибудь вещь, вы заранее убеждены, что она принадлежит ему или кому-нибудь из его семьи, что это — фамильная реликвия, потому что так бывает в книгах. Но лорд Кроум имел в виду нечто куда более дурное и темное, когда так зловеще сказал, что перстень связан с романтической историей в его семье.

Лорд Кроум украл кольцо. Он перехватил письмо, адресованное его жене, и нашел там только этот перстень. Адрес был напечатан на машинке; хотя, конечно, не мог же он знать почерк всех своих знакомых. Зато он знал старинную надпись, вырезанную на камне. Такая надпись могла быть сделана только с одной целью. Он собрал гостей, чтобы выяснить, кто послал перстень, другими словами — кто его владелец, понимая, что тот попытается вернуть свою собственность, чтобы предотвратить скандал и скрыть улику. Вероятно, того, кто послал письмо, можно назвать негодяем, но не вором. У язычников, например, он считался бы героем. Не случайно его холодное, волевое лицо напоминало маску императора Августа. Сперва он сделал самое простое и вместе с тем самое благоразумное — бросил кольцо в черный кофе, притворяясь, что кладет сахар. Так он скрыл его, хотя бы ненадолго, и мог спокойно подвергнуться обыску. Когда лорд Кроум крикнул, что кофе отравлен, и все походило уже на кошмар, мы

просто присутствовали при последнем отчаянном ходе хозяина, разгадавшего уловку гостя. Кроум понял, что перстень брошен в одну из чашек, и хотел немедленно их обследовать. Но человек с холодным лицом предпочел страшную смерть, — он проглотил перстень и задохся, пытаясь сохранить свою тайну, вернее — тайну леди Кроум. Безумный поступок, но ничего другого ему не оставалось. Во всяком случае, Гэхеген прав, и наша обязанность — защитить от клеветы память несчастного Палмера. Нельзя называть вором джентльмена, который умер, проглотив собственное кольцо.

Закончив свою речь, мистер Понд деликатно кашлянул. Сэр Хьюберт Уоттон не сводил с него глаз; разгадка озадачила его еще больше, чем загадка. Он медленно поднялся; казалось, он стряхивает с себя дурной сон. Но он твердо знал, что это не сон, а явь.

— Ну, мне пора, — сказал он со вздохом облегчения. — Надо еще побывать в Сити, боюсь, что я и так опоздал. Кстати, если все, что вы рассказали, правда, это, видимо, случилось совсем недавно. Насколько мне известно, в прессе не было сообщения о самоубийстве Питт-Палмера, во всяком случае — сегодня утром еще не было.

— Это случилось вчера вечером, — проговорил Гэхеген, медленно встал с кресла и попрощался с сэром Хьюбертом.

Когда Уоттон ушел, двое других долго молчали, серьезно глядя друг на друга.

— Это случилось вчера вечером, — повторил Гэхеген. — Вот почему я сказал, что это связано с тем, что случилось сегодня утром. Сегодня утром я сделал предложение Джоан Варни.

— Да, — согласился Понд, — мне кажется, я понимаю.

— Я уверен, что понимаете, — сказал Гэхеген. — И все же я попытаюсь вам объяснить. Знаете ли вы, что смерть бедняги Питт-Палмера была еще не самым страшным? Это дошло до меня позднее, когда я был уже в полумиле от проклятого дома. Я понял, почему меня пригласили на обед.

Он замолчал и, стоя спиной к Понду, долго смотрел, как за окном бушевала непогода. Должно быть, это зрелище изменило ход его мыслей, ибо, когда он заговорил снова, казалось, что он говорит о другом, на самом же деле речь шла о том же.

— Я ведь не рассказал вам, как мы пили перед обедом коктейли в саду у леди Кроум. Не рассказал, потому что чувствовал: пока вы не знаете развязки, вы не поймете. Это звучало бы как пустая болтовня о погоде.

Погода была плохая, как и сегодня, только ветер дул еще сильнее; а теперь, кажется, буря прошла. И в воздухе в тот день что-то нависло. Конечно, это было просто совпадение, но иногда погода помогает человеку острее почувствовать свое душевное состояние. Небо над садом было странное, зловещее, предгрозовое; последние лучи солнца как молнии прорезали его. Дом с колоннами, еще освещенный тусклым светом, белел на фоне тяжелой тучи, то ярко-синей, словно индиго, то фиолетовой, как чернила. И, помню, я даже вздрогнул: вдруг мне как-то по-ребячески представилось, что Питт-Палмер — белая мраморная статуя, неотъемлемая часть дома. Других предзнаменований было немного — никто не сказал бы, что леди Кроум похожа на статую. Когда она проходила по саду, казалось, горделиво пролетает райская птица. И все же, хотите — верьте, хотите — нет, с самого начала я чувствовал себя плохо, и физически и духовно, особенно — духовно. Когда мы вошли в дом и портьеры столовой отрезали нас от внешнего мира, где бушевала буря, на душе у меня стало еще тяжелее. Портьеры были старомодные, темно-красные, с золотыми кистями, и мне показалось, что все здесь пропитано одноцветной, темной жидкостью. О разъяренном человеке говорят, что у него все красно перед глазами. А для меня все стало темно-красным. Это довольно точно передает мое ощущение, ибо сначала было только ощущение, я ни о чем не догадывался.

Затем у меня на глазах случилось то, страшное. Я вижу темно-красное вино в графинах и тусклый свет затененных ламп. Мне казалось, что я исчез, растворился; я почти не ощущал самого себя. Конечно, всем нам пришлось отвечать на вопросы следователя. Но я не хочу сейчас говорить об этой официальной возне, такой чудовищной рядом с трагедией. Времени на это ушло немного, ведь самоубийство было очевидно; и гости двинулись в ночное ненастье. Когда они шли через сад, мне почудилось, что это другие люди, что их очертания изменились. После той страшной смерти, в духоте ночи, в удушливом, грязном тумане ненависти, я видел их не так, как раньше; может быть, мне открылась их подлинная сущность. Они уже не казались мне разными; напротив, была в них преувеличенная, зловещая близость — как будто они составляли какое-то отвратительное тайное общество. Конечно, это была просто болезненная иллюзия, они сильно отличались друг от друга, но в чем-то они были очень похожи.

Польский дипломат нравился мне больше других. Он был остроумен и прекрасно воспитан. Но я знал, что он имел в виду, когда так учтиво отказался от папской тиары, требующей обета безбрачия. Кроум тоже знал и потому так зловеще улыбнулся. Сравнительно приятным был и майор Вустер, проживший много лет в Индии. Но что-то подсказывало мне, что

он настоящий сын джунглей и ему доводилось охотиться не только на тигров, а если сравнивать с тигром его самого, — не только на ланей. Был среди гостей и венгерский ученый с ассирийскими бровями и ассирийской бородой. Бьюсь об заклад, он скорее семит, чем мадьяр. Но, так или иначе, у него были толстые красные губы, и выражение его миндалевидных глаз совсем не нравилось мне. Он был, пожалуй, хуже всех, собравшихся в тот вечер. О Блэнде я ничего дурного сказать не могу, разве что он слишком туп и ни о чем не способен думать, кроме как о собственном теле. У него не хватает ума даже на то, чтобы понять, что у человека вообще есть ум. Все мы знаем сэра Оскара Маруэлла. Я вспоминаю сейчас, как он шел по саду; его отороченный мехом плащ бился и хлопал на ветру, и казалось, что эхо далеких аплодисментов летит за ним, что ему хлопают восторженные поклонники или, вернее, восторженная толпа глупых поклонниц. А итальянский тенор был удивительно похож на английского актера. Хуже, по-моему, ничего не скажешь.

Но в конце концов общество все же было избранное. Гости подобрал очень умный человек, хотя, возможно, почти помешанный. Если допустить, что у леди Кроум был любовник, вернее всего его было искать среди этих шестерых. Затем я подумал о себе самом и в ужасе остановился. Я понял, почему оказался среди них. Кроум тщательно отобрал и попросил остаться на обед самых известных волокит Лондона. И он почтил приглашением меня!

Вот, значит, кто я такой. Или, вернее, вот кем считают меня. Денди, развратник, соблазнитель, волочащийся за чужими женами... Вы знаете, Понд, что на самом деле я не так уж испорчен. Но, может быть, и те, другие, не были подлецами. Все мы были невиновны; и все же туча над садом давила нас, словно приговор. Я не был виновен и тогда, раньше — помните, когда меня чуть не повесили за то, что я часто виделся с женщиной, в которую даже не был влюблен. И тем не менее все мы заслужили кару. Атмосфера вокруг нас была порочна: люди прошлого века называли это духом распутства; нахальные газетчики называют сексуальностью. Вот почему я был близок к виселице. Вот почему в доме, из которого я только что ушел, осталось мертвое тело. И я услышал тяжелую поступь старинных строк о самой прекрасной из всех незаконных любовей. Звоном металла отдались в моих ушах слова Гиневры, расстающейся с Ланселотом:

Ты от греховной жизни жди Раздора, смуты, и нужды, И зла, и смерти, и беды.

Я ходил по краю пропасти и не отдавал себе в этом отчета, пока два

приговора не поразили меня как гром среди ясного неба. Однажды судья в черной шапочке и кроваво-красной мантии уже почти произнес приговор: «Быть повешенным за шею, пока не умрет». Второй приговор был еще страшнее: меня пригласили на обед к лорду Кроуму.

Он продолжал смотреть в окно. Но мистер Понд все-таки услышал неясное бормотанье, словно гром грохотал где-то вдали: «И зла, и смерти, и беды».

Наступило молчание. Наконец Понд сказал очень тихо:

— Просто вам нравилась незаслуженная дурная слава.

Гэхеген круто обернулся; его огромная спина заслонила окно. Он был очень бледен.

— Вы правы. Я хотел, чтобы меня считали распутным, — сказал он. — Вот до чего я дошел!

Он сделал попытку улыбнуться и продолжал:

— Да. Это мелкое, грязное тщеславие, которое хуже всех пороков, привлекало меня сильнее, чем любой порок. Сколько людей продали душу за восхищение дураков! Я едва не продал душу за то, чтобы дураки клеветали на меня. Считаться опасным человеком, подозрительной личностью, грозой честных семейств — вот на что я растрчивал жизнь, вот из-за чего чуть не потерял любовь. Я бездельничал, проводил время в праздности, лишь бы не утратить своей дурной славы. И она едва не довела меня до виселицы.

— Так я и думал, — сказал мистер Понд и чопорно поджал губы. А Гэхеген взволнованно продолжал:

— Я был лучше, чем казался. Но это значило только, что я богохульствовал, хотел казаться хуже, чем был. И еще это значило, что я был хуже тех, кто предавался пороку, ибо я восхищался им. Да, восхищался своей мнимой порочностью. Я был лицемером нового типа. Мое лицемерие было данью, которую добродетель платит греху.

— Насколько я понимаю, — сказал Понд (тон его был холоден и бесстрастен и все же всегда оказывал на собеседника удивительно успокаивающее действие),

— насколько я понимаю, теперь вы совсем вылечились.

— Да, вылечился, — мрачно ответил Гэхеген. — Для этого понадобились две смерти и угроза виселицы. Но главное вот в чем: от какой болезни я вылечился? Вы поставили совершенно правильный диагноз, дорогой доктор, — если разрешите мне вас так называть. Скандальная слава доставляла мне тайное наслаждение.

— А теперь, — сказал мистер Понд, — другие соображения вернули

вас на тернистую тропу добродетели.

Гэхеген внезапно рассмеялся, нервно и тем не менее радостно. Первые его слова, вероятно, многим показались бы странным продолжением этого смеха.

— Знаете, я исповедовался сегодня утром, — сказал он, — и к вам я тоже пришел исповедаться: в том, что не убивал того человека; в том, что не был любовником его жены. Одним словом, я признаюсь, что я обманщик, что я никому не опасен... Когда я понял все это, мне стало совсем легко, хорошо, как в детстве; и тогда я отправился... ну, я думаю, вы сами знаете, куда я отправился. Есть девушка, с которой я давно должен был бы объясниться, и я всегда хотел это сделать. Парадокс, не так ли? Только куда глупее ваших парадоксов, Понд.

Мистер Понд тихонько засмеялся, как смеялся всегда, когда ему рассказывали то, что он давно понял сам. Он был не так уж стар и не так уж чопорен, как могло показаться, и сразу представил себе, более или менее точно, чем кончится порядком надоевший ему роман капитана Гэхегена.

Мы уже говорили о том, как часто разные истории запутываются в клубок и один сюжет переходит в другой, особенно если это правдивые истории. По началу этого рассказа можно было предположить, что он должен кончиться тем, с чего начался, то есть трагическим и скандальным происшествием в доме лорда Кроума, неожиданной гибелью Питт-Палмера, многообещающего политического деятеля. Рассказ следовало бы завершить описанием его торжественных похорон. Мы должны были бы поведать о хоре восхвалений в официальной прессе; о велеречивых соболезнованиях, возложенных на его могилу руководителями всех партий, представленных в парламенте, — от превосходной речи лидера оппозиции, начинавшейся словами: «Какими бы различными ни были наши политические взгляды», до еще более превосходного (если это возможно) заявления лидера правительственной партии: «Хотя все мы прекрасно знаем, что успех нашего дела не зависит даже от самой выдающейся личности, я все же выражаю глубочайшее сожаление...»

Как бы то ни было, отступив от основной линии рассказа, мы не станем описывать похороны Питт-Палмера, а перейдем к женитьбе Гэхегена. Уже было сказано, что страшное происшествие вернуло капитана к старой любви (надо заметить, что старая его любовь была достаточно молода). Некая мисс Вайолет Варни занимала в то время выдающееся положение в театральном мире; слово «выдающееся» мы выбрали со всей

осторожностью из ряда других возможных прилагательных. С точки зрения света мисс Джоан Варни была сестрой мисс Вайолет Варни. С точки зрения капитана Гэхегена — разумеется, извращенной и субъективной — мисс Вайолет Варни была сестрой мисс Джоан Варни; и нельзя сказать, что его очень радовало это родство. Он любил Джоан; но терпеть не мог Вайолет. Впрочем, нам нет надобности вдаваться в подробности этой, совсем другой, истории. Ведь все это уже описано в Библии.

Достаточно будет сказать, что в то сияющее, светлое утро, наступившее после ночной грозы, капитан Гэхеген вышел из церкви в маленьком переулке и весело направился к дому, где жили сестры Варни. В садике возле дома он нашел мисс Джоан и сказал ей многое и весьма важное для них обоих. Когда мисс Вайолет Варни услышала, что младшая ее сестра помолвлена с капитаном Гэхегеном, она немедленно отправилась в театральный клуб и устроила себе помолвку с одним из подходящих к случаю кретинов достаточно высокого происхождения. Со свойственным ей благоразумием она расторгла ее примерно через месяц. Но главное было сделано: газеты сообщили о ее помолвке раньше, чем о помолвке сестры.

Примечания

Беркли Антони (1893 — 1970) — английский писатель, автор детективных романов.

...слова Гиневры, расстающейся с Ланселотом. — См. поэму А. Теннисона «Королевские идиллии» (1859).

...все это уже описано в Библии. — Имеется в виду история соперничества Лии и Рахили. Быт., 29 и 30.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке TheLib.Ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

[Другие книги серии «Парадоксы мистера Понда»](#)